

ки». Жуткая сцена, когда, устроив самосуд, толпа идет топить на Фонтанку какого-то мелкого жулика. «...Петербург объявил себя Нероном и был так мерзок, словно ел похлебку из раздавленных мух». Разрушаются социальные связи, государство не защищает своих граждан — бесполезно было звонить в милицию, звонить правительству — «исчезнувшему, уснувшему, как окунь, государству» («Египетская марка»).

События первых революционных лет имели для города самые трагические последствия. Общество погрузилось в пучину беззакония, в разгул деспотизма. Город захватила волна принудительных национализаций, мобилизаций и реквизиций, бушевала стихия погромов, грабежей, арестов и убийств. Прекратился подвоз продовольствия: в январе 1918 года паек — 200 г. хлеба, а в апреле — 50 г. В 1917 году в Петрограде жило 2420 тысяч человек, а в 1920-м — 722 тысячи.

В марте 1918 года рождается стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь...» с четырежды повторенным: «Твой брат, Петрополь, умирает». Для автора таких признаний как: «И держусь я одним Петербургом — конвертным, желтым, нахохленным, зимним» или: «Петербург, ты отвечаешь за своего сына!» это было особенно мучительно. Он уезжает.

Вернулся Мандельштам в Петроград через два с половиной года. Город продолжал переживать агонию. По словам Ахматовой, «город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность» («Листки из дневника»).

Поэт поселился в Доме искусств на **Набережной Мойки, 59**. Дом выходил на Невский проспект и набережную. Это «общежитие» для писателей в какой-то мере защищало их от царивших в городе холода и голода. Обитателями его были Ходасевич, Гумилев, Шкловский, Павлович, Зошченко, Слонимский, Форш, А. Грин, Пяст, Шагинян, Вс. Рождественский и другие. Со многими из соседей Осипа Эмильевича связывала давняя дружба. В очерке

1920-е гг.

«Шуба», написанном вскоре после отъезда, в 1922 году, автор вспоминал то время: «...Это была суровая и прекрасная зима 20—21 года. Последняя страдная зима Советской России, и я жалею о ней, вспоминаю о ней с нежностью...» Как всегда, с большим теплом пишет Ахматова, которую он за это недолгое время (уехал в начале лета 1921 года) несколько раз навещал на Сергиевской: «Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 году, кроме изумительных стихов Арбениной в “Триптиха”, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени — о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком» («Листки из дневника»). Среди «изумительных» стихов — «В Петербурге мы сойдемся снова...», где город на Неве — средоточие всех болевых точек времени. Состояние влюбленности объясняет, почему поэт с нежностью вспоминает это время.

В ту же пору написано «Люблю под сводами седья тишины...» Известно, что в феврале-марте 1921 года власти Петрограда, выполняя ленинское указание, осуществили беспрецедентную акцию по ограблению городских храмов. Циничному осквернению подверглись такие святыни, как Петропавловский собор, Александро-Невская лавра, Казанский и Исаакиевский соборы, кладбища города.